

Он не знал, знают ли в посёлке С о присутствии людей из семьи Цзинь, и не станет ли известно, что Хэ Дачжуан «ожил». Поэтому он оставался настороже, не позволяя никому воспользоваться ситуацией.

Хэ Дачжуан на восьмой день наконец почувствовал себя немного лучше.

Уже мог говорить и задал главный вопрос, мучивший его все эти дни:

— Где я?

Это не был дом семьи Цзинь, не больница и не какое-либо другое знакомое место.

Так где же он?

Папа Хэ долго молчал, прежде чем рассказать обо всём, что произошло.

Выслушав, Хэ Дачжуан долго сидел, словно окаменев.

Неужели он, Хэ Дачжуан, действительно умер? Неужели в этом мире больше нет такого человека?

Тогда кто он теперь? Хэ Дачжуан или кто-то другой? Под каким именем ему жить?

А если он умер, значит ли это, что он больше никогда не увидит Но-Но?

Он ещё не услышал, как Но-Но называет его папой, не видел, как тот делает первые шаги, не посмотрелся на его маленькое личико.

Отныне в мире не будет Хэ Дачжуана. Он станет совершенно новым человеком, будет жить в новой обстановке и вести новую жизнь.

Радоваться этому или скорбеть?

Цзинь Жуй провёл в больнице полмесяца, прежде чем старый господин Цзинь снял с него домашний арест.

Все ожидали, что первым делом он отправится на кладбище к Хэ Дачжуану. Однако он даже не упомянул об этом, словно Хэ Дачжуан навсегда испарился из его сердца.

Многие не могли понять его поведения.

Ся Юйхуэй даже позвонил, чтобы выругаться, спрашивая, почему тот не навестил Хэ Дачжуана.

Однако Цзинь Жуй ничего не сказал, просто повесил трубку.

Тот, кто раньше всегда скрывал свои чувства за улыбкой, теперь стал похож на дворецкого Цзинь. Он смотрел на всё с каменным лицом, словно у него вырвали душу, лишив радость, гнев, скорбь и радость, оставив лишь пустую оболочку.

Впрочем, кроме этого, в нём не было заметно других изменений.

Цзинь Сы и Цзинь Чжи были заперты старым господином Цзинем. Цзинь Жуй потребовал, чтобы их передали ему. Старый господин Цзинь согласился, но с условием: Цзинь Жуй должен

жениться на Лань Иньинь. Цзинь Жуй без колебаний согласился.

Цзинь Жуй также попросил вернуть ему малыша Но-Но, но старый господин Цзинь сказал, что отдаст его только после того, как Лань Иньинь забеременеет.

Цзинь Жуй долго и бесстрастно смотрел на старого господина Цзиня, прежде чем произнести:

— Хорошо.

Старый господин Цзинь остался доволен и велел Цзинь Жую вернуться в главную резиденцию.

Цзинь Жуй не стал возражать, приказав дворецкому собрать вещи и вернуться в главный дом семьи Цзинь. Тот дом, где он прожил с Хэ Дачжуаном три года, он навсегда оставил позади, больше никогда не переступая его порог.

Цзинь Сы и Цзинь Чжи были пригвождены к стене в форме иероглифа «Великое». Кровь на полу уже успела высохнуть и снова намочиться, высохнуть и снова намочиться.

Это был уже третий день, как Цзинь Жуй мучил их. Ощущение, что смерть была бы милосердием, заставляло их отчаянно желать покончить с собой.

В ушах снова раздались шаги. Цзинь Сы слабо поднял глаза, чтобы посмотреть в сторону звука.

Цзинь Чжи закричал от страха, слёзы и сопли залили всё его лицо.

Цзинь Жуй с каменным лицом подошёл к ним. Хотя на нём не было чёрной одежды, казалось, что он полностью погрузился во тьму.

Остановившись перед Цзинь Сы, он без эмоций спросил:

— Как сегодня себя чувствуешь?

Цзинь Сы стиснул зубы, стараясь не выглядеть слишком жалко перед этим человеком.

— Благодаря вам, ещё не умер.

Цзинь Жуй холодно взглянул на него:

— Да? Тогда сегодня попробуем что-то новенькое.

Услышав это, Цзинь Сы невольно задрожал.

Цзинь Чжи начал плакать:

— Брат, умоляю, пощади меня.

В первый день Цзинь Жуй придумал «новинку»: он привязал их к стене и вбил десятисантиметровые гвозди толщиной с мизинец в их суставы, пригвоздив к стене.

Ощущение, как кости постепенно ломаются, вызывало настоящий ужас.

На второй день Цзинь Жуй взял большой пинцет и вырвал все их зубы, а также ногти.

Затем он прикрепил что-то к их ногтевым ломам, и пальцы сразу же пронзила невыносимая боль, заставляя кричать.

А сегодня, на третий день, Цзинь Жуй снова придумал новый способ мучить их.

Он повернулся, посмотрел на грязное лицо Цзинь Чжи и плеснул на него водой.

Цзинь Чжи закричал от боли — в воде были соль и перец.

Цзинь Жуй с любопытством посмотрел на него:

— Пощадить тебя? А кто пощадит меня?

Цзинь Чжи был уже на грани обморока и не мог больше говорить.

Цзинь Жуй достал из кармана маленький нож и, глядя на Цзинь Сы, сказал:

— Сегодня мы попробуем кое-что под названием «линчи». Может, ты слышал, а может, и нет. Но это не важно, потому что скоро ты всё поймёшь.

Не успел Цзинь Сы понять, что происходит, как Цзинь Жуй быстро срезал кусок мяса с его бедра.

Цзинь Сы закричал от боли:

— Цзинь Жуй! Если хочешь убить, убей, не тяни, как баба. Ты ведь ненавидишь меня за то, что я убил эту старую ведьму? Ненавидишь за то, что я отобрал у тебя место? Ненавидишь за то, что я убил твоего любовника? Убей меня, убей!

Цзинь Жуй посмотрел на него и вдруг засмеялся, затем срезал ещё кусок мяса с его ноги. Глядя на искажённое от боли лицо, он холодно произнёс:

— Я хочу, чтобы ты почувствовал ту боль, что чувствую я. Хочу, чтобы ты испытал эту агонию. Не волнуйся, я не убью тебя. Я оставлю тебя в живых, чтобы мучить медленно.

Затем он повернулся к дрожащему от страха Цзинь Чжи и с окровавленным куском мяса в руке подошёл к нему.

Цзинь Чжи смотрел на Цзинь Жуя, как на демона.

Он никогда не знал, что Цзинь Жуй может быть таким извращенцем.

Он начал сожалеть о том, что вступил в конфликт с Цзинь Жуюем, но теперь уже было поздно. Цзинь Жуй погрузился во тьму, и единственный человек, который мог бы вернуть его к нормальной жизни, уже умер...

Цзинь Жуй поднял окровавленные куски мяса и поднёс их к лицу Цзинь Чжи:

— Ты когда-нибудь пробовал человеческое мясо?

Цзинь Чжи тут же закрыл рот и начал мотать головой.

Цзинь Жуй снова поднёс мясо к его лицу:

— Съешь это, и я сегодня тебя пощажу, как думаешь?

Цзинь Чжи продолжал мотать головой, его лицо выражало решимость.

Цзинь Жуй посмотрел на него несколько секунд, затем схватил его за щеки и заставил открыть рот.

Цзинь Чжи пытался закрыть рот, но его зубы уже были вырваны, и сил сопротивляться не осталось.

Рот легко открылся, и Цзинь Жуй медленно засунул туда окровавленный кусок мяса.

Цзинь Чжи попытался вырваться, но все его суставы были пригвождены к стене, и любое движение причиняло невыносимую боль.

Вкус крови во рту вызвал тошноту, и он тут же вырвал всё, что было в желудке.

Без зубов они могли питаться только жидкой пищей, поэтому даже рвота была почти безрезультатной. Но именно это делало кусок мяса в рвотных массах ещё более отвратительным.

Цзинь Жуй мгновенно отпрянул в сторону, наблюдая, как Цзинь Чжи рыдает, его лицо залито слезами и соплями.

Когда Цзинь Чжи закончил, Цзинь Жуй снова поднёс к его лицу оставшийся кусок мяса:

— Ты много вырвал, наверное, голоден? Вот, съешь кусочек, подкрепишься.

Цзинь Чжи посмотрел на мясо, и его снова начало тошнить, но рвать уже было нечем.

Цзинь Жуй стоял рядом, ожидая, пока тот успокоится, и снова поднёс мясо к его лицу.

<http://bllate.org/book/16150/1448160>